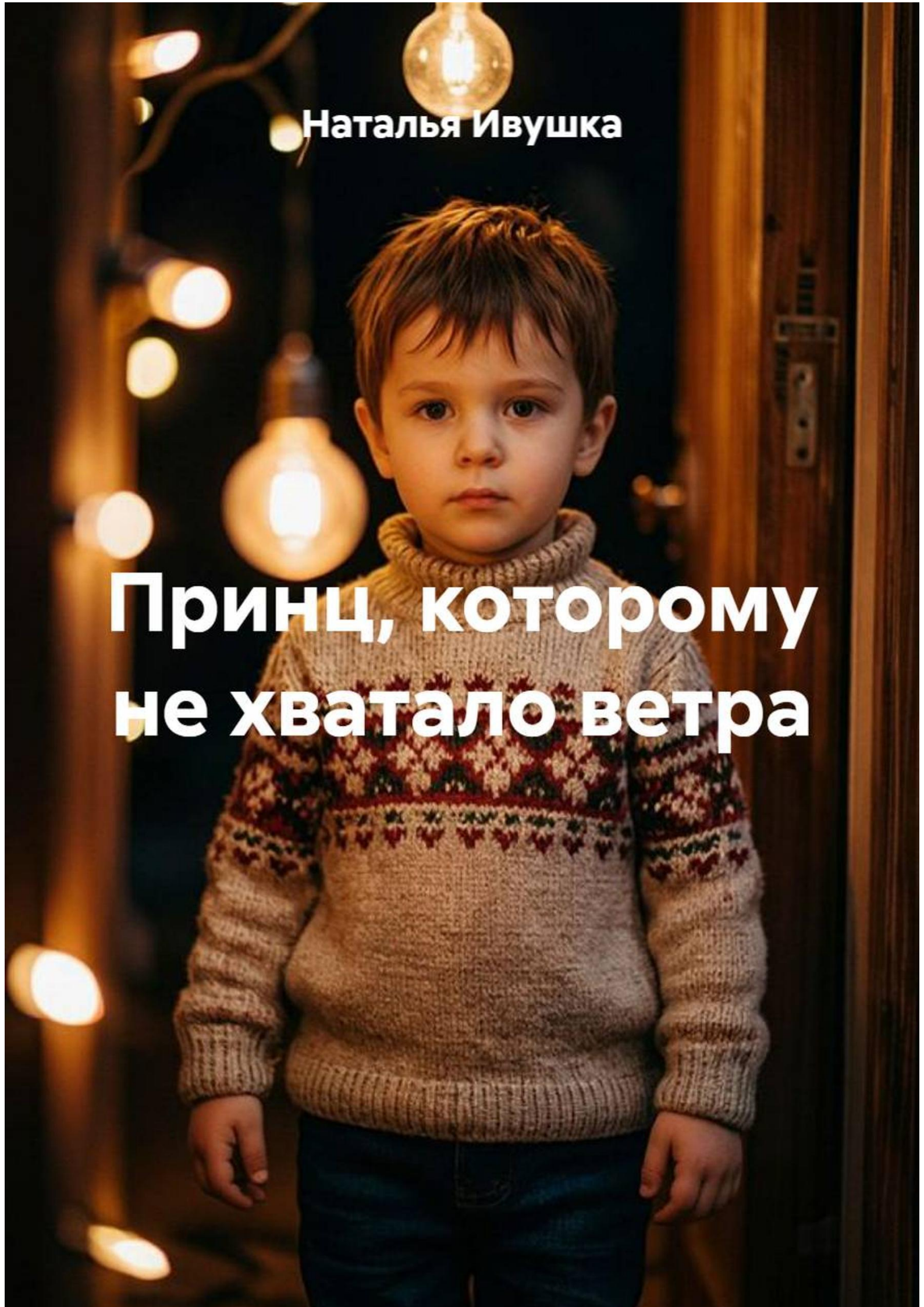

A young boy with short brown hair and a serious expression stands in the center of the frame. He is wearing a light-colored, textured turtleneck sweater with a horizontal band of red and green floral patterns across the chest, and dark blue jeans. The background is dark, filled with numerous warm, glowing bokeh lights of various sizes, suggesting a festive or indoor setting with string lights. The overall mood is intimate and slightly somber.

Наталья Ивушка

**Принц, которому
не хватало ветра**

Наталья Ивушка

Принц, которому не хватало ветра

«Автор»

2026

Ивушка Н.

Принц, которому не хватало ветра / Н. Ивушка — «Автор», 2026

Принц, которому не хватало ветра — трогательная повесть о мальчике Артёме, которого дома берегут так старательно, что почти прячут от жизни. Однажды он решается выйти за порог и становится частью уличного братства: вместе с ребятами несёт рождественский свет, устраивает представление, подбирает бездомного кота Вьюгу и учится настоящей ответственности. Организовав Добрую неделю, Артём помогает всей деревне и доказывает близким: он уже не хрупкий бедный принц, а тот, кто умеет поддерживать других и делать мир теплее. История о взрослении, заботе и силе простых добрых дел. Оптимальный возраст для повести — 7–12 лет.

© Ивушка Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Принц, которому не хватало ветра

Глава 1

Город просыпался под перезвон колоколов, а в большом каменном доме на тихой улице всё ещё стояла особенная тишина — та, что бывает только в домах, где берегут покой одного-единственного человека. В детской комнате пахло воском, горячим шоколадом и чуть-чуть — лекарственными травами. Всё здесь было устроено так, чтобы ни один сквозняк не посмел проникнуть внутрь, ни одна пылинка не смела лечь на ковёр, ни один громкий звук не потревожил чуткого мальчика.

А мальчик, которого домашние звали не иначе как «наш принц», сидел на подоконнике и смотрел на улицу, где ветер гнал по мостовой сухие листья и заставлял флаги на крышах плясать, будто они живые. Его звали Артём, и ему было девять лет, но взрослые обращались с ним так, словно ему едва исполнилось три: укутывали в шаль даже в тёплую погоду, запрещали бегать, громко смеяться и вообще делать что-либо, что могло «потревожить здоровье».

— Артёмка, слезь с подоконника! Продует! — в который раз за утро воскликнула няня, всплеснув руками.

— Но я просто смотрю! — тихо возразил мальчик, не поворачиваясь. Ему казалось, что если он будет говорить совсем тихо, его просьбу хотя бы выслушают.

— Смотреть можно и из кресла, у печки. Там безопасно.

«Безопасно» было самым любимым словом в этом доме. Безопасная еда, безопасная прогулка (ровно пятнадцать минут, по одной и той же дорожке, не дальше скамейки под липой), безопасные игры (никаких качелей, никаких лазаний по деревьям, никаких мальчишеских беготней). Даже книжки ему читали только те, где никто не падал, не терялся и не попадал в приключения.

Артём вздохнул и послушно сполз с подоконника. Но взгляд его всё равно тянулся к окну, туда, где жизнь казалась настоящей: мальчишки с соседней улицы собирались у старого фонаря, связывали палки и тряпки в какую-то странную конструкцию, кричали, смеялись, толкались, и в этом шуме было столько свободы, что у Артёма сжималось сердце.

Сегодня был канун Рождества, и в доме вовсю готовились к празднику. В гостиной уже стояла огромная ёлка, увешанная дорогими игрушками, которые нельзя было трогать, потому что они «хрупкие, как счастье». Мама, бледная и заботливая, то и дело подходила к сыну, щупала лоб, поправляла воротник и шептала:

— Ты не устал? Может, тебе прилечь?

— Я не устал, — отвечал Артём, стараясь не звучать обиженно. Он знал: обида только заставит маму переживать ещё сильнее.

К полудню в дом пришла тётя Лиза — шумная, весёлая, с запахом духов и мандаринов. Она сразу заметила, как Артём снова прилип к окну.

— Ох, Тёма, ну что ты там высматриваешь? У нас тут праздник готовится, а ты будто ждёшь кого-то...

— Я вижу, как ребята делают звезду, — тихо сказал он, не отрывая взгляда от улицы. — Они собираются ходить и петь. У них настоящая звезда — из палок и бумаги, и она светится! Они говорят, что это рождественское чудо — нести свет по дворам.

Тётя Лиза помолчала, потом присела рядом на край подоконника и вдруг улыбнулась не той «взрослой» улыбкой, от которой хочется спрятаться, а настоящей, озорной.

— Знаешь, когда я была маленькой, мне тоже хотелось пойти с ними. Но мне не разрешали. Говорили: «Ты девочка, тебе холодно, ты устанешь». А я всё равно однажды выскольз-

нула за калитку... и шла с ними до самой полуночи. И знаешь, что самое удивительное? Никто не заболел. Наоборот, все стали только крепче.

Артём посмотрел на неё с надеждой, которая тут же погасла:

— Мне нельзя. У меня слабое здоровье.

— Слабое здоровье — это когда не хочется дышать полной грудью, — мягко сказала тётя Лиза. — А ты ведь хочешь. Я вижу.

В этот момент в комнату вошла мама, и улыбка тёти Лизы тут же стала чуть сдержаннее, а Артём снова сполз с подоконника и сел в кресло у печки — как положено «бедному принцу», запертому в своём тёплом, тихом дворце.

Но когда вечером дом погрузился в полумрак и только ёлочные огоньки бросали дрожащие блики на стены, Артём снова подошёл к окну. На улице зажглась та самая звезда — неуклюжая, неровная, но живая. Мальчишки подхватили её и пошли по дворам, распевая рождественские песни, и их голоса, хоть и нестройные, звучали так громко и радостно, что, казалось, могли растопить весь снег в округе.

И тогда в груди у Артёма что-то дрогнуло — не от холода, а от желания быть там, среди них, держать палку, нести свет, спотыкаться о камни, смеяться и даже немножко мёрзнуть, потому что это и есть настоящая жизнь.

Он оглянулся на спящую няню, на тёмный коридор, где в каждом углу притаилась тишина этого дома. И вдруг понял: сегодня, в эту ночь, он не хочет быть «бедным принцем», которого берегут от мира. Он хочет быть просто мальчиком, который идёт со всеми и несёт свою маленькую часть света.

Тихо, чтобы не скрипнула половица, он достал из шкафа старый шарф, накинул куртку, которую надевал только для «безопасных прогулок», и приоткрыл окно. Холодный воздух ворвался внутрь, как старый друг, которого долго не пускали в дом.

Сердце стучало так громко, что казалось, его слышно на всей улице. Но когда Артём шагнул на крыльцо и вдохнул морозный воздух, он вдруг почувствовал себя не слабым, а сильным — потому что решился.

Звезда плыла по улице, как маленький горящий корабль, и манила за собой. И Артём пошёл.

Глава 2

Артём шёл по стылой улице, и каждый шаг будто возвращал ему что-то потерянное: дыхание становилось глубже, щёки горели не от болезни, а от мороза, а сердце стучало ровно и сильно — так, как должно стучать у мальчика, который решился на настоящее дело.

Звезда плыла впереди, неровная, будто живая: палки кое-как сбиты гвоздями, бумага местами порвалась, но внутри горели свечи, и свет пробивался сквозь прорехи, как весёлые золотые пальцы. Мальчишки шли гурьбой, толкались, спотыкались о сугробы, но никто не жаловался — наоборот, каждый считал долгом рассмеяться над собственной неловкостью.

Когда Артём поравнялся с ними, шум сразу стал чуть тише. Один из ребят — высокий, в потрёпанной шапке с торчащим помпоном — обернулся, прищурился, будто пытался разглядеть в темноте, не привидение ли это.

— Ты кто такой? Из того большого дома?

Артём кивнул, сглотнул, но голос не подвёл:

— Я... я хочу с вами. Можно? Я не буду мешать. И могу нести что-нибудь. Хоть палку. Хоть мешок. Хоть... вообще всё.

Мальчишки переглянулись. Тот, что в шапке, хмыкнул:

— Палку у нас и так хватает. А вот мешок — дело. У нас тут угощения: кто пряник даст, кто конфету, кто кусок пирога. Надо собирать, чтобы потом всем поровну. Да только нести некому — все звезду тащат.

Он протянул Артёму холщовый мешок, тяжёлый и пахнущий хлебом и корицей. Артём схватил его обеими руками, будто это был самый драгоценный дар.

— Спасибо! Я не уроню. Честно.

Высокий кивнул, будто принял какое-то важное решение:

— Тогда держись рядом. И не отставай. У нас маршрут длинный, дворов много. И петь надо громко — чтобы слышали даже те, кто не открывает.

И они пошли дальше. Сначала Артём только слушал, как мальчишки поют: нескладно, кто в лес, кто по дрова, но с таким жаром, что казалось, будто сами звёзды подпевают. А потом и сам втянулся: сначала шёпотом, потом чуть громче, и вот уже его голос звенел среди других, не выделяясь, но и не прячась.

В первом дворе хозяйка вышла на крыльцо в тёплом платке, посмотрела на звезду, на ребят, на Артёма — и вдруг заулыбалась так, будто увидела что-то очень хорошее. Она вынесла целую миску горячих пирожков, пахнущих луком и маслом, и, протягивая её, сказала:

— Держите, ребятки. Пусть праздник будет сытным.

Пирожки тут же перекочевали в мешок Артёма, и он почувствовал, как тяжесть становится приятной: это была тяжесть общего дела, тяжесть, которую несут вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.